

и.о. проректора по научной работе и инновациям
ФГАОУ ВО «Пермский государственный
национальный исследовательский университет»,
доцент, кандидат географических наук
Ветров Андрей Леонидович

В диссертации Э.В. Зайцевой **впервые** творческое прочтение Бахтина устремлено на создание стройного и целостного представления о структуре и составляющих эстетической деятельности в художественном произведении. Эстетическое понимается здесь как автономная сфера сотворенного человеком эйдетического мира, внутри которого диссертантка ищет «определение сущности эстетического объекта литературного произведения, а именно специфики его внутреннего строения, именуемого архитектурой, и механизмов его актуализации в процессе эстетической деятельности» (с. 6 автореферата)

И все же главная цель диссертации Э.В. Зайцевой – не столько изучение наследия М.М. Бахтина, сколько развитие его идей и построение на их основе собственной концепции – с привлечением богословских и классических философских учений. «Диссертационное исследование осуществляет попытку “привить” эстетику словесного творчества и рациональное богословие», – говорит автор. При этом к построению авторской концепции активно привлекаются разнообразные теории искусства от Канта до Хайдеггера.

Теоретическое значение диссертации состоит в том, что ее автор уточняет, расширяет и систематизирует представления о природе эстетического у Бахтина и изучает «диалектический феномен сосуществования сакральной (богословской) и материальной (риторической, человеческой) природы эстетического объекта словесного шедевра», отмечая его «принципиальную неслиянность как с областью богословия, так и с областью массового риторического искусства» (с. 5 автореферата)

Важно то, что, исследовательница, исходя из идеи эстетического бытия «как видимо оформленного содержания» (с. 239 диссертации), предлагает собственную модель, алгоритм анализа художественных текстов, и этот алгоритм успешно применяется в третьей главе диссертации для интерпретации произведений Лермонтова, Тургенева, Чехова, Стрижака. В создании такой модели состоит **научная новизна** работы.

Прежде всего отметим главное свойство диссертации, определившее ее характер, достоинства и – как продолжение достоинств – некоторые недостатки. Перед нами исследование полемичное, отчасти страстное и очень вдохновенное. Полемический пафос обусловлен представлением о полной утрате сегодня, в постмодернистской ситуации, как литературой, так и наукой «интереса к содержанию эстетической деятельности, сущностной сакральной основы творчества, облекающейся в совершенную словесную форму» (с. 3 автореферата), к «творческой природе художественного письма» (с. 3 диссертации). Э.В. Зайцева называет это процессом секуляризации содержательной (духовной) природы произведения, что в литературоведении, по ее мнению, оборачивается вниманием к риторическому аспекту организации произведения в ущерб эстетическому. Автор работы видит своей сверхзадачей «реабилитацию значимости эстетической природы художественного письма» (с. 3 автореферата). В науке крен в изучение риторики, а не эстетики художественного произведения диссертантка объясняет влиянием русского формализма, а потом постструктурализма.

Столь глубокое отношение к объекту исследования вызывает уважение, хотя увлеченность порой приводит к тому, что феноменологическое аналитическое описание заменяется постулируемым онтологическим представлением. Кроме того, состояние художественного и научного творчества сегодня многообразно, общая картина современных методов исследования художественных текстов не выглядит совсем безнадежной уже хотя бы потому, что диссертантке явно есть на что опереться. **Методология** представленного **исследования** основывается на трудах предшественников диссертантки, представителей научной школы кафедры теории литературы

РГГУ, на работах С.Н. Бройтмана, Н.Д. Тмарчченко, В.И. Тюпы, и Ю.В. Подковырина и др. Большое место в работе занимают идеи религиозного литературоведения (работы Н.Н. Павлюченкова, Н.А. Ваганова, К.М. Антонова, М.А. Красовицкой и др.). Что касается методик анализа, то приемы, например, интертекстуального анализа и цитаты из работ Р. Барта (постструктуралиста) диссертантке пригодились для интерпретации конкретных текстов (см. Приложение 2).

Структура работы соответствует описанным целям.

Во введении описано проблемное поле исследования, определены основные понятия диссертации, ее цели и задачи (их много, равно как и положений, выносимых на защиту).

Первая глава посвящена истории вопроса. Сначала в ней подробно рассмотрена категория эстетического объекта: «это воплощенное в слово духовное содержание, идеальное художественно-образное бытие, централизующееся вокруг героя и созерцаемое с вненаходимой позиции» (с. 33 диссертации). Затем дается определение и анализ архитектоники эстетического объекта. Эта категория толкуется в работе через сумму интеллектуальных метафор: кантовская *идея*, *схема* целого, *квант мысли* (Н. Жинкин), *внутренняя форма* (Потебня), *внутренняя речь* (Выготский), *композиция* Бахтина, понята вслед за Н.Д. Тмарчченко как имеющая телеологический характер. Не выходя за пределы терминологического тезауруса диссертации, концепцию можно представить следующим образом: художник познавательно-этически оформляет первоначальную идею в форму, превращая в объект эстетического любования, художественное произведение, претворяя свою трансцендентность в имманентность эстетического объекта и «изливая свет» на героя.

Как подчеркивает диссертантка, уникальность категории архитектоники у Бахтина состоит в том, что она понимается как архитектоника личности, инкарнация (воплощение смысла) темы также происходит, по Бахтину, через героя, который получает в художественном произведении вочеловечение. Диссертантка видит в вочеловечении, характерном для эстетического объекта, аналог Боговоплощения, как оно описано в догматическом богословии. Богословские аналогии диссертантки призваны прояснить механизмы актуализации смысла в эстетическом объекте.

Самой важной частью главы является анализ соотношения подходов философии, богословия и литературоведения (эстетики словесного творчества) от античности до нашего времени, то есть историческая развертка их взаимодействия. Прослеживаются отношения платонизма и богословия (в частности, через герменевтику), и несостоявшиеся аспекты возможного взаимодействия признаются подходящими для понимания эстетического бытия. Постулируется идея применимости рациональной теологии как периферийной области богословия, в которой встречаются философия и филология как основа гуманитарного теоретического познания.

Эта идея и составляет методологическую основу диссертации.

Во второй главе этот метод применяется еще более активно. Богословская идея о нераздельности божественного и человеческого в Христе становится основой истолкования формы и содержания, а также субъектов художественного акта. В Христе «личности соединяются подобно тому, как в герое (формосодержательной личности) соединяются автор и читатель» (с. 18 автореферата). Далее диссертантка использует для трактовки категорий автора, героя, читателя идею Святой троицы: три личности эстетической деятельности неслиянны (внезаходимы друг другу). Любящий автор сотворяет художественную Вселенную от избытка любви, передавая любовь читателю.

Эти концепции ставят авторов отзыва в трудное положение.

Во-первых, трудно обрести достаточную степень внезаходимости, чтобы судить о *правильности* трактовки богословских идей и корректности их применения. Слово «правильно» нередко применяет автор диссертации: «Мысль Бахтина преодолевает все христологические на пути к правильному пониманию эстетического объекта» (с. 74 диссертации). Кто же окончательно знает, какие пути правильные? По этой же причине трудно судить о достоверности аналогий богословских и эстетических. Порой в диссертации работает не столько научный метод, сколько онтологическая убежденность и интуиция.

Во-вторых, мы мало знаем о сокрытом от читателя богословском содержании бахтинских текстов (здесь мы имеем лишь свидетельства в беседах с В.Д. Дувакиным, воспоминания С.Г. Бочарова и др.); трудно оценить, насколько действительно Бахтин погружен в особенности разных этапов богословия, описанных диссертанткой. Возможно, характерная для начала XX века идея религиозного возрождения не предполагала столь детального следования канонам.

Убежденность в своей правоте и широкий круг источников из разных областей знания (эстетики, богословия, теории литературы и др.) повышает ответственность автора диссертации, она берет на себя право говорить о Бахтине как своем герое. И эту ответственность диссертантка признает: «Логически вытекающая из наших герменевтических усилий по интерпретации раннего наследия М. М. Бахтина концепция триединства единоприродных, но личностно различных автора, героя, читателя является нашей собственной теорией, основанием которой можно считать также концепцию словесного творчества В. И. Тютю об эстетической, семиотической, коммуникативной природе художественного письма» (с. 14 диссертации).

Далее в работе рассмотрены все названные субъекты триединства: герой, чей путь увенчивает ««эстетическая пасха» – смерть героя и воскрешение его в новом плане бытия; автор-Творец, источающий свет и творческую энергию любви к герою, и, наконец, читатель, который, «полюбив героя, встречается с автором в диалоге трех внутренних содержаний (внутренней речи)» (с. 11 автореферата).

Для дальнейшего анализа в третьей главе диссертации важен предложенный диссертанткой (с опорой на Бахтина) порядок разворачивания эстетического акта: «преднахождение другого сознания, воплощение его как героя в событие бытия художественной вселенной, завершающего оформления, или “милующего оправдания” героя» (с. 81 диссертации). Третья глава и посвящена анализу литературных текстов: с помощью предложенного алгоритма осуществляется прояснение невидимой архитектоники через видимую словесную художественную форму.

Особенно подробно рассмотрена архитектоника романа Лермонтова «Герой нашего времени». Анализ проведен на нескольких уровнях: мифологическом, аллегорическом и др. Здесь много свежих наблюдений о хронотопе (поскольку диссертация устремлена к целостности, речь идет о «гетерокосмосе», напоминающем сотворение Богом вселенной). Интерпретация хронотопа проводится в сравнении с литургическими текстами, гимнографией, хронотоп осмысливается символически – его определяет суточный круг богослужения. По-новому в связи с проблемой предопределения предстает развитие композиции: «Фаталист» в архитектонике героя аналогичен Апокалипсису, момент воплощения как смерти и рождения дан в «Тамани», воскресение происходит в «Княжне Мэри», где герой расстается с Верой. Хороши в этом параграфе конкретные наблюдения, демонстрирующие прекрасное владение диссертанткой аналитическими приемами, в том числе приемами «риторического» анализа (наблюдения в связи с мотивом голода, например). Содержателен анализ дантовского кода в романе.

Анализ тургеневских «Вешних вод» в большей степени сосредоточен на архитектонике героя – смерти старого, «ветхого», и рождении нового человека. Важное значение имеет здесь мотив Вечной женственности, анализ экфрастических образов Юдифи и Саломеи, интерпретация карнавальных мотивов. Разбор чеховского рассказа «Невеста» тоже подчинен главным образом выявлению архитектоники образа героини и соотносению структуры произведения с литургической поэтикой.

Анализ романа Стрижака восстанавливает его архитектонику и демонстрирует преемственность русской литературы в ее приверженности сюжету покаяния и спасения, фаустианским и дантовским кодам.

Методология анализа, конкретные наблюдения над текстами в третьей главе представляются очень ценными, их стоит поместить в учебном пособии, использовать в вузовской практике в преподавании филологических дисциплин. В этом состоит **практическая значимость** работы.

В кратком «Заключении» подводятся итоги исследования. Они впечатляют масштабностью проделанной работы. Диссертация в основных фрагментах заслуживает быть опубликованной, поскольку поднимает важнейшие для современных гуманитарных наук проблемы. Однако при публикации необходимо исправить досадные опечатки (так, Вера Мильчина в тексте названа Мельчиным), убрать повторы, обратить внимание на недостаточность знаков препинания и – иногда – сносок.

Эта содержательная и многоаспектная диссертация рождает уточняющие вопросы, предлагаемые в порядке научной дискуссии, необходимой в процессе защиты.

1. Может ли писатель-атеист написать гениальное произведение? Может ли архитектоника произведения и архитектоника героя воплощаться вне идеи христианского пути? Работает ли концепция в случае, если автор принадлежит или наследует ценности религий, которые существуют без сотериологии?
2. Почти в каждом из монографических анализов третьей главы с разной степенью интенсивности привлекается «Божественная комедия» Данте, к которому диссертантка обращается и в иных главах. Дантовский код неизбежен в каждом тексте? Не означает ли это, что в некоторых случаях именно художественный текст, а не богословские категории становится основой и канвой сюжета и организует архитектонику героя и произведения?
3. К анализу в работе привлекаются лингво-семиотические теории. В частности, сосюрювское понимание знака (означающее/означаемое). Однако более поздние теории знака (Ч. Пирса, Г. Фреге) предполагают трехчленное понимание знака, добавляя «интерпретанту» (Пирс), «смысл» (Фреге), важные для понимания. Что думает диссертантка об этой модели знака?

В завершение следует признать ценность, самостоятельность, значимость наблюдений и выводов диссертационного сочинения, талантливость автора и новизну представленного исследования. Его масштабность определяется междисциплинарностью, привлечением множества аналитических процедур из разных областей знания и даже объемом работы: около 300 страниц текста, 186 источников в библиографическом списке. Автореферат диссертации отражает ее содержание.

Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.3. Теория литературы, а также всем требованиям, изложенным в п. 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о присуждении учёных степеней», утверждённом Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, предъявляемых к диссертациям на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

Таким образом, соискатель Эльвира Викторовна Зайцева заслуживает присуждения учёной степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.3. Теория литературы (филологические науки).

Отзыв составлен Мариной Петровной Абашевой, доктором филологических наук (по научной специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации), профессором, профессором кафедры журналистики и медиакоммуникаций ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», обсуждён и одобрен на объединённом заседании кафедры журналистики и медиакоммуникаций, кафедры русской филологии «28» мая 2026 г. Решение

принято единогласно. Против включения персональных данных, содержащихся в отзыве, в документы, связанные с защитой указанной диссертации, и их дальнейшей обработки не возражаем.

Председатель заседания:

и. о. заведующего кафедрой русской филологии
ФГАОУ ВО «Пермский государственный
национальный исследовательский университет»
кандидат филологических наук, доцент

Роготнев Илья Юрьевич

Сведения о ведущей организации:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет». Юридический адрес: 614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел.: +7 (342) 2-396-435. Адрес электронной почты: info@psu.ru

28.05.2026

И. Ю. Роготнев заверяю
и. о. секретарь, сопредседатель
Е. Б. Айфонов